

УДК 343.9

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(5).634-640

БЫТОВАЯ КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

А. П. Суходолов¹, С. В. Иванцов^{2, 3}, Э. Л. Сидоренко⁴, Б. А. Спасенников⁵

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

³ Международный юридический институт, г. Москва, Российская Федерация

⁴ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

⁵ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

30 июля 2018 г.

Дата принятия в печать

10 октября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

8 ноября 2018 г.

Ключевые слова

Коррупция; взяточничество; бытовая коррупция; криминологическое исследование; параметры коррупции

Аннотация. В работе рассматривается бытовая коррупция как комплексное криминологическое явление. С использованием методов статистического, сравнительно-правового и корреляционного анализа авторы исследуют динамику бытового взяточничества, определяют его понятийные границы и обозначают основные криминологические параметры и характеристики взяточничества. Предложенные в статье показатели коррупции (характер бытовой коррупции, индекс криминальной пораженности органов государственной власти и местного самоуправления, структура взяточничества и индекс транзакционных издержек) позволяют расширить границы криминологического исследования бытового взяточничества, ввести в научный оборот новые категории и понятия, отказаться от привычного рассмотрения бытовой коррупции как исключительно уголовно-правового явления и прогнозировать ее динамику на краткосрочную и среднесрочную перспективу. В числе новых криминологических тенденций отмечаются постепенная хабитуализация коррупции, увеличение числа коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками полиции, и рост доли преступлений, сопряженных со взяточничеством (легализация преступных доходов, мошенничество, превышение полномочий и злоупотребление ими). При этом обращается внимание на тот факт, что современная бытовая коррупция напрямую зависит от характера полномочий государственных и муниципальных органов и от результативности (сложности) решения вопросов потребителем коррупционных услуг: исправлению осужденных, соблюдению ими режима, предупреждению рецидива преступления.

STREET-LEVEL CORRUPTION IN RUSSIA: BASIC CRIMINOLOGICAL PARAMETERS

Alexander P. Sukhodolov¹, Sergey V. Ivantsov^{2, 3}, Elina L. Sidorenko⁴, Boris A. Spasennikov⁵

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² V. Ya. Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, the Russian Federation

³ International Law Institute, Moscow, the Russian Federation

⁴ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

⁵ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2018 July 30

Accepted

2018 October 10

Available online

2018 November 8

Abstract. The authors analyze street-level corruption as a complex criminological phenomenon. They use the methods of statistical, comparative law and correlation analysis to examine the dynamics of street-level bribery, outline its conceptual borders and identify the key criminological parameters and characteristics of bribery. The presented corruption indicators (street-level corruption type, corruption-infestation index of state and local authorities, structure of bribery and transactional costs' index) make it possible to widen the borders of criminological research of street-level bribery, introduce new categories and concepts into the research agenda, reject the

Keywords

Corruption; bribery; street-level corruption; criminological research; parameters of corruption

traditional view of street-level corruption as a solely criminal law phenomenon and predict its dynamics in the short- and mid-term. The authors note that the new criminological trends include the gradual habitualization of corruption, the increase in the number of corruption crimes committed by the police, the growing share of crimes connected with bribery (legalization of criminal income, fraud, excess and abuse of authority). Besides, they draw attention to the fact that modern street-level corruption directly depends on the type of authority that state and municipal agencies have and on the effectiveness (difficulty) of resolving problems by the consumer of corruption services.

За последние годы Российская Федерация добилась заметных успехов в части предупреждения коррупции. По данным ГИАЦ МВД России (форма 1-Корр), наблюдается линейное сокращение количества коррупционных преступлений. Если в 2014 г. их объем превышал 41 тыс., то в 2017 г. он сократился на 18 % на фоне снижения числа отказов в возбуждении уголовных дел.

Однако наряду с положительными тенденциями сокращения объема должностной преступности в органах власти и местного самоуправления заметно возросло количество смежных с коррупцией деяний. Так, в 2016–2017 гг. был отмечен рост числа мошенничеств коррупционной направленности, случаев легализации преступных доходов и посредничества во взяточничестве. Но наибольшую тревогу вызывает тот факт, что на фоне относительной стагнации коррупции увеличилась доля бытовой взяточничества.

Потребность в предупреждении бытовой коррупции сочетается с отсутствием единого согласованного подхода к определению ее признаков и параметров не только на практическом, но и на теоретическом уровне, что заставляет прибегать к использованию методов профилактики в ущерб созданию универсальной стратегии предупреждения бытовой коррупции.

Криминологический статус бытовой коррупции. В криминологии и теории уголовного права разработано несколько подходов к оценке бытовой коррупции. Под ней понимаются административные правонарушения должностных лиц [1, с. 18], преступное поведение муниципальных служащих [2], мелкое взяточничество (до 10 тыс. р.) и др. [3–13].

Разнообразие подходов объясняется тем, что в зависимости от направленности исследования авторы прибегают к использованию различных дифференцирующих параметров — юридического статуса субъектов преступлений, характера деяния либо размера подкупа. Разнообразие мнений не только не вносит ясности

в понимание природы бытовой коррупции, но и стирает понятийные границы между нею и близкими по характеру явлениями.

Гораздо более обоснованным видится рассмотрение бытовой коррупции сквозь призму дефиниции слова «быт». Под бытом понимается уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера. Исходя из данного определения можно предположить, что определение бытовой коррупции должно основываться не на личности взяточполучателя, а на личности лица, дающего взятку и рассматривающего подкуп как способ удовлетворения своих повседневных потребностей. При таком подходе акцент смещается в сторону социальных аспектов коррупции (готовность населения к коррупционному поведению, оценка общественной опасности мелкого подкупа, соотношение преимуществ и рисков коррупционных схем для решения повседневных задач и др.), а не на ее уголовно-правовые признаки.

В рамках предложенного понимания бытовой коррупции важно обозначить ряд положений, определяющих статус бытовой коррупции как объекта криминологического анализа. Во-первых, в силу направленности деяния на решение повседневных бытовых вопросов целесообразно ограничить круг взяткодателей только физическими лицами. Это позволит отделить бытовую коррупцию от экономической. Во-вторых, необходимо принять во внимание направленность деяния на удовлетворение бытовых потребностей взяткодателя. В отличие от корпоративных преступлений, живущих по экономическим законам, бытовая преступность находится в тесной корреляционной связи с социальными факторами и в ряде случаев позволяет выявить слабые места в системе оказания социальной помощи и услуг. В-третьих, бытовая коррупция не ограничивается только уголовно-правовыми деяниями. В последнее время она все чаще проявляется в поведении лиц, не обладающих статусом должностного

лица и, следовательно, не являющихся субъектами должностных преступлений (гл. 30 УК РФ). Речь, как правило, идет о сотрудниках, выполняющих техническую работу и принимающих подкуп от заинтересованных лиц с целью ускорения продвижения дела. Такие деяния обладают всеми криминологическими признаками бытовой коррупции и во многом поддерживают ее латентность и высокий уровень социальной мимикрии.

С учетом сформулированных параметров под бытовой коррупцией следует понимать обладающую внутренним единством систему отношений физического лица — потребителя коррупционной услуги с лицом, предоставляющим эту услугу в органах государственной власти, местного самоуправления, коммерческих и иных организациях в целях обеспечения оперативности и эффективности удовлетворения физическим лицом его бытовых (непроизводственных) потребностей.

В зависимости от характера предоставления услуг можно выделить три криминологические модели бытовой коррупции:

– коррупция-действие: лицо совершает действия, которые входят в его должностные (служебные) полномочия. По нашим оценкам, коррупция-действие составляет в среднем около 60 % от всего объема бытовой коррупции;

– коррупция-бездействие: лицо за вознаграждение отказывается от осуществления действий, входящих в его должностные (служебные) полномочия (например, от составления протокола об административном правонарушении и др.). В отличие от первой модели, когда деяние может быть совершено как должностным лицом, так и сотрудником, не обладающим соответствующим статусом, в случае коррупции-бездействия взяточполучатель обязан обладать должностными полномочиями на совершение юридически значимых действий;

– коррупция-сверхдействие: лицо с коррупционной целью совершает действия, превышающие его должностные или служебные полномочия [14].

В настоящее время ГИАЦ МВД России не ведет отдельный учет бытовой коррупции, что не исключает, однако, возможности ее криминологической оценки в рамках специально разработанной оси координат.

Криминологические параметры бытовой коррупции. Понимая условность вводимых характеристик, считаем обоснованным выде-

ление следующих криминологических параметров бытовой коррупции:

1. Характер бытовой коррупции — соотношение количества административных и уголовно наказуемых деяний в структуре бытовой коррупции. Изучение данного показателя позволяет не только оценить качество правоприменительной деятельности, но и определить уровень латентности бытовой коррупции.

Так, согласно данным прокурорской статистики (статистическая форма К501), самый высокий уровень коррупции отмечен в органах представительной власти субъектов РФ и органах местного самоуправления. Здесь соотношение между выявленными правонарушениями и фактами привлечения к ответственности составляет 1 к 8 применительно к административным правонарушениям и 1 к 100 применительно к преступлениям.

2. Важным показателем бытового взяточничества является индекс коррупционной пораженности — соотношение числа представителей органов государственной власти, местного самоуправления, выявленных в связи с совершением коррупционного преступления, и общей численности сотрудников этого органа (организации).

По данным статистики МВД России, высокий индекс криминальной пораженности характерен (в порядке возрастания) для органов исполнительной власти субъектов РФ, муниципальных органов власти, государственных и муниципальных учреждений и правоохранительных органов.

Показательно, что применительно к различным органам власти используются разные коррупционные модели: в муниципальных органах власти распространена коррупция-действие, когда служащий ускоряет процедуру, а для государственных и муниципальных учреждений характерна коррупция-сверхдействие. Что же касается правоохранительных органов, то здесь чаще встречаются коррупция-бездействие (40 %) и коррупция-действие (55 %) [15].

Говоря о типичности коррупционных проявлений в правоохранительных органах, важно отметить, что наибольший уровень криминальной активности наблюдается среди сотрудников МВД России [16].

Примечательно, что посредничество во взяточничестве характерно только для представителей органов внутренних дел, что свидетельствует о высоком уровне институционализации и организованности коррупции (табл.).

Статистические данные о коррупции в правоохранительных органах РФ за 2017 г.
Statistical data on corruption in the law enforcement bodies of the Russian Federation in 2017

Статья УК РФ / Article of the CC of the RF	Прокуратура / Prosecutor's Office	Следственный комитет / Investigation Committee	МВД / Ministry of Internal Affairs	ФСБ / Federal Security Service	ФТС / Federal Customs Service	ФСИН / Federal Penitentiary Service	ФССП / Federal Bailiffs' Service
<i>Всего / Total</i>	18	21	959	17	18	247	231
По ст. 285 / Under Art. 285	0	0	50	0	2	29	11
По ст. 286 / Under Art. 286	0	0	44	0	0	30	5
По ст. 290 / Under Art. 290	10	11	367	9	9	100	60
По ст. 291.1 / Under Art. 291.1	0	2	32	0	0	5	5
По ст. 291.2 / Under Art. 291.2	0	0	171	0	0	50	1
По ст. 292 / Under Art. 292	0	0	26	1	1	0	28

С некоторой долей условности можно говорить о стереотипности коррупционного поведения в правоохранительных органах: к злоупотреблению должностными полномочиями чаще всего прибегают сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний, полиции и Федеральной службы безопасности, к превышению должностных полномочий — представители Прокуратуры РФ и Следственного комитета, а к служебному подлогу — судебные приставы.

Типичность и устойчивость коррупционного поведения свидетельствуют о том, что в правоохранительных органах уже сформировались схемы оказания коррупционных услуг с учетом специфики их полномочий.

Устойчивость распределения правоохранительных органов в зависимости от частоты совершения их сотрудниками коррупционных преступлений дает основание для вывода о наличии устойчивых моделей оказания коррупционных услуг населению в зависимости от деятельности отдельных правоохранительных структур [17]. Так, в органах, обеспечивающих безопасность, устойчивой коррупционной моделью является злоупотребление должностными полномочиями, а в органах, осуществляющих контрольные функции, — служебный подлог.

Структура коррупционных проявлений — показатель доли отдельных коррупционных преступлений в общей структуре криминальной коррупции.

Согласно данным 2017 г., основной объем бытовой коррупции был связан с должностными преступлениями, предусмотренными ст. 285, 286, 290, 291.1 и 292 УК РФ.

Прогнозировать динамику бытовой коррупции можно при помощи показателя экономических и криминологических издержек коррупционного поведения.

Так, оценить уровень криминологических рисков позволяет соотношение количества зарегистрированных преступлений и доли выявленных лиц. Согласно статистическим данным формы 1-Корр ГИАЦ МВД РФ, ежегодно регистрируется в среднем около 8 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, но выявляется только около 2 тыс. преступников. Таким образом, риск быть осужденным за получение подкупа составляет в среднем 25 %, что свидетельствует о значительном отставании от среднеевропейских показателей [18–20].

Заметно лучше показатели риска быть выявленным за получение взятки. В 2017 г. было зарегистрировано 3 188 преступлений, а в суд направлено 2 404 дела. А это значит, что риск понести ответственность за данное преступление составляет 2/3.

Низкая результативность выявления и расследования коррупционных преступлений говорит о том, что бытовое взяточничество по-прежнему рассматривается как выгодный способ решения повседневных вопросов, поскольку получаемые взяткодателям предпочтительнее

ции оказываются намного значительнее риска уголовной ответственности.

Интерес для криминологов представляет и анализ экономической выгоды преступного поведения, а именно соотношения пользы и издержек коррупционного поведения.

В 2014 г. соотношение причиненного и возмещенного вреда составляло 1/3, в 2015 г. — 1/8, в 2016 г. — 1/10, в 2017 г. — 1/11.

Тревогу вызывает тот факт, что на фоне сокращения регистрации коррупционных преступлений растет размер причиненного вреда и одновременно сокращается размер возмещенного. Устойчивость данной тенденции в течение последних лет не дает оснований для благоприятных прогнозов и красноречиво свидетельствует о том, что с экономической точки зрения взяточничество является выгодной формой решения бытовых вопросов. На эту тенденцию указывают и зарубежные исследователи [21; 22].

Интересные выводы позволяет сделать анализ географии бытовой коррупции. Корреляция показателей коррупционной преступности с основными социальными и экономическими показателями субъектов РФ демонстрирует, что бытовая коррупция распространена преимущественно в дотационных регионах, где основные материальные средства сосредоточены в органах государственной власти и местного самоуправления. В экономически развитых регионах, напротив, наблюдается постепенное вытеснение бытового взяточничества экономической коррупцией.

Не случайно, что в инвестиционно привлекательных регионах взяточничество приходится главным образом на законодательные и исполнительные органы государственной власти и развивается в рамках модели «чиновник — бизнес», в то время как в дотационных регионах распространена модель «чиновник — гражданин» (преимущественно в сфере оказания социальных и коммунальных услуг).

Нельзя не обратить внимание и на показатель коррупционной уязвимости. Он помогает выявить типовые сферы активности, где стороны чаще всего прибегают к коррупционному поведению. Если применительно к экономической коррупции высокой степенью уязвимости отличается сфера государственных закупок, то применительно к бытовой коррупции это сфера предоставления коммунальных услуг, образования, иных государственных и муниципальных услуг.

Близким по характеру является показатель конъюнктуры бытовой коррупции — ее сосредоточенности на различных политических уровнях. Как показывает анализ должностной преступности за 2014–2017 гг., основной объем бытовой коррупции сосредоточен (в порядке убывания) на уровне муниципальных учреждений образования и здравоохранения, муниципальной власти, исполнительных органов субъектов, федеральных органов здравоохранения и государственных учреждений образования.

Примечательно и то, что бытовая коррупция начала постепенно изменять своим стереотипам: если раньше она имела относительно равномерный характер, то теперь развивается по принципу «очаговой заинтересованности», т. е. проявляется там, где граждане априори не видят возможности легального разрешения бытовой ситуации.

Подобная «очаговость» позволяет с высокой долей определенности выявлять наиболее распространенные коррупционные правонарушения и предупреждать их через оптимизацию системы документооборота, разрыв прямого контакта производителя и потребителя коррупционной услуги и повышение уровня контроля.

В пользу результативности этого подхода говорит сокращение количества фактов регистрации коррупционных проявлений в регионах, где функционируют многофункциональные центры или система дистанционного оказания услуг.

Выводы. Бытовая коррупция как объект криминологического исследования не ограничивается криминальными проявлениями. Предполагается также изучение факторов предоставления коррупционных услуг лицами, не обладающими статусом должностного лица. Отличительной особенностью бытовой коррупции выступает ее направленность на получение коррупционной услуги физическим лицом с целью оперативного и эффективного разрешения повседневных вопросов.

В качестве системного криминологического явления бытовая коррупция может быть изучена как с использованием традиционных количественных и качественных показателей преступности, так и с применением интегративных показателей характера бытовой коррупции, индекса криминальной пораженности, структуры коррупционной преступности, показателей экономических и криминологических издержек бытовой коррупции и др.

Анализ данных показателей выявил устойчивость (стереотипность) коррупционного поведения в отдельных социальных и экономических сферах и показал его зависимость от характера полномочий государственных и муниципальных органов, организаций и учреждений, что позволяет с высокой долей вероятности

говорить о хабитуализации (опривычивании) бытовой коррупции. В то же время приобретение ею очагового характера позволяет с высокой долей вероятности выявлять наиболее уязвимые сферы оказания государственных и муниципальных услуг и предупреждать коррупцию через системную социальную профилактику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бесчастнова О. В. Основы антикоррупционного поведения / О. В. Бесчастнова. — Астрахань : Астрах. гос. ун-т, 2015. — 108 с.
2. Мигущенко О. Н. Проблема предупреждения коррупционного поведения муниципальных служащих / О. Н. Мигущенко // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2015. — № 2. — С. 16–19.
3. Sutherland E. H. Principles of Criminology / E. H. Sutherland, D. R. Cressey. — Chicago : Lippincott, 1960. — 646 p.
4. Fox V. Introduction to Criminology / V. Fox. — New Jersey : Prentice-Hall, 1976. — 462 p.
5. Roberts J. European Journal of Criminology Developments / J. Roberts // Newsletter of the ESC. — 2010. — Vol. 9, № 2. — P. 3–7.
6. Taylor I. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance / I. Taylor, P. Walton, J. Young. — London : Routledge, 1973. — 368 p.
7. Brantingham P. J. A Conceptual Model of Crime Prevention / P. J. Brantingham, F. L. Faust // Crime and Delinquency. — 1976. — Vol. 22. — P. 284–296.
8. Williams K. S. Textbook on Criminology / K. S. Williams. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. — 640 p.
9. The Encyclopedia of Police Science / ed. J. R. Greene. — 3rd ed. — New York : Routledge, 2007. — Vol. 1 : A–I, Index. — 717 p.
10. The Encyclopedia of Police Science / ed. J. R. Greene. — 3rd ed. — New York : Routledge, 2007. — Vol. 2 : J–Z, Index. — 817 p.
11. Спасенников Б. А. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях / Б. А. Спасенников, А. М. Смирнов // Социологические исследования. — 2015. — № 9 (377). — С. 120–124.
12. Спасенников Б. А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы / Б. А. Спасенников // Актуальные вопросы образования и науки. — 2015. — № 1–2 (47–48). — С. 36–38.
13. Спасенников Б. А. Актуальные проблемы уголовного права / Б. А. Спасенников. — Архангельск : Ин-т упр., 2013. — 300 с.
14. Сидоренко Э. Л. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации / Э. Л. Сидоренко // Журнал российского права. — 2017. — № 6. — С. 154–167.
15. Номоконов М. В. Бытовая коррупция в ракурсе социологического анализа: региональный аспект / М. В. Номоконов, А. А. Русанова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. — 2014. — № 2 (27). — С. 254–257.
16. Служебная дисциплина и формирование антикоррупционного поведения сотрудников ОВД / под ред. С. Н. Бочарова, С. В. Иванцова. — М. : Департамент гос. службы и кадров МВД России, 2016. — 119 с.
17. Бикеев И. И. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: понятие, содержание, правовое регулирование, классификация / И. И. Бикеев, П. А. Кабанов // Препринты Института экономики, управления и права (г. Казань). — 2014. — № 1. — 80 с.
18. Федоров А. В. Национальный план противодействия коррупции и антикоррупционный мониторинг законодательства и правоприменения / А. В. Федоров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2010. — № 1 (35). — С. 8–16.
19. Denisova-Schmidt E. Corruption in Higher Education and Research / E. Denisova-Schmidt, E. Leontyeva // Proceedings of Conference «Coping with New Legal Challenges in Education». — Kaunas : Vytautas Magnus Univ., 2013. — P. 55–62.
20. Wilhelm P. G. International Validation of the Corruption Perceptions Index: Implications for Business Ethics and Entrepreneurship Education / P. G. Wilhelm // Journal of Business Ethics. Springer Netherlands. — 2002. — Vol. 35 (3). — P. 177–189.
21. Seligson M. A. The Impact of Corruption on Regime Legitimacy: A Comparative Study of Four Latin American Countries / M. A. Seligson // Journal of Politics. — 2002. — Vol. 64, № 2. — P. 408–433.
22. Campbell S. V. Perception is Not Reality: The FCPA, Brazil, and the Mismeasurement of Corruption / S. V. Campbell // Minnesota Journal of International Law. — 2013. — Vol. 22, № 1. — P. 247.

REFERENCES

1. Beschastnova O. V. *Osnovy antikorrupcionnogo povedeniya* [Fundamentals of Anti-corruption Behavior]. Astrakhan State University Publ., 2015. 108 p.
2. Migushchenko O. N. Problem of prevention of corruption behavior of municipal servants. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: legal issues*, 2015, no. 2, pp. 16–19. (In Russian).
3. Sutherland E. H., Cressey D. R. *Principles of Criminology*. Chicago, Lippincott, 1960. 646 p.
4. Fox V. *Introduction to Criminology*. New Jersey, Prentice-Hall, 1976. 462 p.

5. Roberts J. European Journal of Criminology Developments. *Newsletter of the ESC*, 2010, vol. 9, no. 2, pp. 3–7.
6. Taylor I., Walton P., Young J. *The New Criminology: For a Social Theory of Deviance*. London, Routledge, 1973. 368 p.
7. Brantingham P. J., Faust F. L. A Conceptual Model of Crime Prevention. *Crime and Delinquency*, 1976, vol. 22, pp. 284–296.
8. Williams K. S. *Textbook on Criminology*. Oxford University Press, 2012. 640 p.
9. Greene J. R. (ed.). *The Encyclopedia of Police Science*. 3rd ed. New York, Routledge, 2007. Vol. 1. 717 p.
10. Greene J. R. (ed.). *The Encyclopedia of Police Science*. 3rd ed. New York, Routledge, 2007. Vol. 2. 817 p.
11. Spasennikov B. A., Smirnov A. M. Social and legal characteristics of the convicts serving sentences in Russian correction colonies. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 9 (377), pp. 120–124. (In Russian).
12. Spasennikov B. A. Topical issues of criminal law: an overview of publications. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Topical Issues of Education and Science*, 2015, no. 1–2 (47–48), pp. 36–38. (In Russian).
13. Spasennikov B. A. *Actual problems of criminal law*. Arkhangel'sk, Institute of Management Publ., 2015. 300 p.
14. Sidorenko E. L. Condition and Dynamics of Petty Corruption in the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2017, no. 6, pp. 154–167. (In Russian).
15. Nomokonov M. V., Rusanova A. A. Everyday corruption from the perspective of sociological analysis: regional aspect. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta = Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute*, 2014, no. 2 (27), pp. 254–257. (In Russian).
16. Bocharov S. N., Ivantsov S. V. (eds.). *Official discipline and the formation of anti-corruption behavior of ATS officers*. Moscow, Department of Public Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2016. 119 p.
17. Bikeev I. I., Kabanov P. A. Anti-corruption monitoring in the Russian Federation subjects: notion, content, legal regulation, classification. *Preprinty Instituta ekonomiki, upravleniya i prava (g. Kazan') = Preprints of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan)*, 2014, no. 1, pp. 80. (In Russian).
18. Fedorov A. V. The National Anti-Corruption Plan and Anti-Corruption Monitoring of Legislation and Enforcement. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhenoj akademii = Scientific Letters of Russian Customs Academy St.-Petersburg Branch Named after Vladimir Bobkov*, 2010, no. 1 (35), pp. 8–16. (In Russian).
19. Denisova-Schmidt E., Leontyeva E. Corruption in Higher Education and Research. *Proceedings of Conference «Coping with New Legal Challenges in Education»*. Kaunas, Vytautas Magnus University, 2013, pp. 55–62.
20. Wilhelm P. G. International Validation of the Corruption Perceptions Index: Implications for Business Ethics and Entrepreneurship Education. *Journal of Business Ethics. Springer Netherlands*, 2002, vol. 35 (3), pp. 177–189.
21. Seligson M. A. The Impact of Corruption on Regime Legitimacy: A Comparative Study of Four Latin American Countries. *Journal of Politics*, 2002, vol. 64, no. 2, pp. 408–433.
22. Campbell S. V. Perception is Not Reality: The FCPA, Brazil, and the Mismeasurement of Corruption. *Minnesota Journal of International Law*, 2013, vol. 22, no. 1, pp. 247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суходолов Александр Петрович — ректор Байкальского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: rector@bgu.ru.

Иванцов Сергей Вячеславович — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, профессор кафедры уголовного права Международного юридического института, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: isv1970@mail.ru.

Сидоренко Элина Леонидовна — директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: 12011979@list.ru.

Спасенников Борис Аристархович — главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: borisspasennikov@yandex.ru; http://orcid.org/0000-00025668-6457.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Суходолов А. П. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры / А. П. Суходолов, С. В. Иванцов, Э. Л. Сидоренко, Б. А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 5. — С. 634–640. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).634-640.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sukhodolov, Alexander P. — Rector, Baikal State University, Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: rector@bgu.ru.

Ivantsov, Sergey V. — Professor, Chair of Criminology, V. Ya. Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor, Chair of Criminal Law, International Law Institute, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: isv1970@mail.ru.

Sidorenko, Elina L. — Director, Center for Digital Economy and Financial Innovation, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: 12011979@list.ru.

Spasennikov, Boris A. — Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: borisspasennikov@yandex.ru; http://orcid.org/0000-00025668-6457.

FOR CITATION

Sukhodolov A. P., Ivantsov S. V., Sidorenko E. L., Spasennikov B. A. Street-level corruption in Russia: basic criminological parameters. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 634–640. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).634-640. (In Russian).